

Кудрявцев-Платонов Виктор Дмитриевич

**Сочинения В.Кудрявцева-
Платонова**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В43

В43 **Виктор Дмитриевич К.**
Сочинения В.Кудрявцева-Платонова: Том 2 / Кудрявцев-Платонов Виктор Дмитриевич –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 514 с.

ISBN 978-5-519-91556-4

ISBN 978-5-519-91556-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИЗЪ ЧТЕНІЙ

ПО ФИЛОСОФІИ РЕЛИГІИ *).

V.

Деизмъ.

Въ предыдущихъ нашихъ чтеніяхъ по философіи религіи мы разсматривали содержаніе естественнаго религіознаго сознанія на первой, низшей его степени, которую назвали вообще формою представленія. Въ этой гносеологической формѣ мы указали коренную причину того, почему это сознаніе необходимо должно было явиться политеистическимъ, и старались представить главные моменты политеистическаго процесса въ ихъ послѣдовательномъ развитіи. Въ Греко-римской религіи данъ послѣдній изъ этихъ моментовъ, заключившій собою циклъ возможныхъ опредѣленій религіознаго сознанія въ формѣ политеизма. Мы видѣли, почему въ этомъ послѣднемъ цвѣтѣ язычества должно было скрываться и сѣмя его разрушенія и необходимость перехода естественнаго религіознаго сознанія на высшую ступень, — ступень понятія. Миеологическія представленія должны уступить мѣсто различнымъ раціональнымъ понятіямъ о Богѣ.

*) Продолженіе труда, напечатаннаго во второмъ выпускѣ втораго тома сочиненій В. Д. Кудрявцева-Платонова (стр. 104 и сл.).

Началомъ философскаго движенія мысли въ области религіозныхъ идей и мотивомъ его, конечно, должно было являться сознаніе неудовлетворительности и устраненіе предыдущей формы религіознаго сознанія, — формы представленія. Если же этою формою существенно условливался политеизмъ, то естественнымъ результатомъ устраненія ея должно быть разрушеніе политеизма и затѣмъ свободное возникновеніе мысли о единомъ Богѣ. Философское движеніе мысли вообще должно было выразиться въ замѣнѣ политеизма монотеизмомъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что характеристическій признакъ всякаго раціональнаго понятія о Богѣ, независимо отъ возможныхъ качественныхъ достоинствъ и недостатковъ его, есть монотеистическое представленіе о Богѣ. Могли быть, конечно, попытки компромисса между философскимъ монотеизмомъ и религіознымъ политеизмомъ въ смыслѣ удержанія низшихъ божественныхъ существъ (миеологическихъ боговъ) при высшемъ и единомъ Богѣ; но эти многіе подчиненные боги для философской мысли не были богами въ собственномъ смыслѣ. Вообще не было примѣра, чтобы многобожіе, какъ признаніе многихъ абсолютныхъ началъ бытія, было возводимо въ философскій принципъ, принимало видъ философскаго ученія о Божествѣ.

Такой переходъ религіознаго сознанія съ низшей ступени представленія на высшую—понятія, такое преобразование религіознаго политеизма въ философскій монотеизмъ окончательно могло совершиться только въ Греціи и Греческой философiи. Причины этого явленія нельзя искать въ одной только особенности богато одареннаго Эллинскаго генія, преимущественно предъ всѣми народами древняго міра владѣвшаго способностью къ философскому мышленію,—способностію, развившеюся въ цѣломъ рядѣ самостоятельныхъ философскихъ системъ, подобныхъ которымъ не представилъ намъ ни одинъ народъ древности. Эта причина, конечно, могла сильно содѣйствовать возникновенію независимаго отъ религіи философскаго ученія о Богѣ, но она не была ни главною, ни единственною. И въ Индіи мы замѣчаемъ не меньшую можетъ-быть, чѣмъ въ Греціи, способность къ глубокомысленнымъ философскимъ воззрѣніямъ; однакожь здѣсь философская мысль

никогда не могла отрѣшиться отъ узъ, сковывавшихъ ее съ народною религіею. Самыя, повидимому, антирелигіозныя воззрѣнія всегда старались найти точку опоры въ религіи и удержать нити, связывающія ихъ съ нею. Оттого здѣсь могли образоваться не самостоятельныя философскія школы и системы, но лишь отдѣльныя религіозныя секты съ болѣе или менѣе философскимъ направленіемъ. Главная причина разсматриваемаго нами явленія заключалась въ томъ, что именно въ Греческомъ политеизмѣ выразился послѣдній и окончательный моментъ язычества и что, по самому существу этого момента, онъ неизбѣжно вызывалъ не новый какой-либо невозможный фазисъ политеизма, но переходъ къ философскому монотеизму. Мы видимъ, какимъ образомъ, не только содержаніе Эллипской религіи, но и самая форма ея, форма художественнаго антропоморфизма, неизбѣжно вызывала сознаніе ея неудовлетворительности, разрушеніе политеизма и возникновеніе философскаго понятія о единомъ Богѣ.

Такое понятіе, конечно, не могло явиться вдругъ, какъ единое личное дѣло какого нибудь смѣлаго философа, рѣшившагося прервать связь съ народною религіею и въ замѣнъ разрушеннаго его критикою полигеизма поставить новое противоположное понятіе о Богѣ. Смутную неудовлетворенность политеизмомъ, потребность выше многихъ боговъ поставить одно высшее ихъ, истинно божественное начало,—потребность, вызываемую коренящеюся въ глубинѣ челоѣческаго духа идеею о Богѣ, чувствовало и религіозное сознаніе. Но пытаясь удовлетворить ее, не выходя изъ области самого политеизма, оно, конечно, не могло достигнуть желаемого результата; такъ какъ это была попытка примирить непримиримое, согласить противорѣчащія понятія единства и множественности божественныхъ началъ.

Всего проще и естественнѣе искомаго единства божественнаго начала религіозное сознаніе, повидимому, могло бы достигнуть путемъ возвышенія одного какого-либо бога изъ среды многихъ другихъ, какъ болѣе совершеннаго и могучаго существа. Насколько бы возвышался мало-по-малу одинъ богъ надъ другими, настолько бы умахались эти другіе, и такое умаленіе, идя прогрессивно, могло бы дойти до совершеннаго униженія и, наконецъ, уничтоженія ихъ. Такимъ образомъ,

монотеизмъ, повидимому, могъ возникнуть естественно въ области самой же религіи.

Дѣйствительно, въ Греціи мы можемъ найти нѣкоторыя слабыя попытки религіознаго сознанія возвыситься надъ политеизмомъ именно этимъ путемъ, — путемъ возвышенія Зевса надъ прочими богами мифологіи. Онъ называется царемъ, отцемъ боговъ; ему приписываются предикаты, повидимому, далеко возвышающіе его надъ сонмомъ прочихъ Олимпійцевъ. Мы встрѣчаемъ даже темные намеки на стремленіе религіознаго сознанія признать его единымъ абсолютнымъ началомъ всего въ пантеистическомъ смыслѣ. „Зевсъ начало всего, Зевсъ средина, изъ Зевса все родилось“ гласитъ „древнее слово“, часто цитуемое Греческими философами *).

Но этому стремленію, возникшему, можетъ быть, не безъ вліянія восточнаго міросозерцанія, не суждено было развиваться до ясной и сознательной мысли о единствѣ божества. *Παλαιός λόγος* осталось древнимъ забытымъ словомъ, которое вспоминали только философы, когда желали найти традиціонную опору своимъ самостоятельно выработаннымъ философскимъ воззрѣніямъ. Въ дѣйствительномъ религіозномъ сознаніи Зевсъ никогда не могъ возвыситься настолько, чтобы заставить забыть о другихъ богахъ, низвести ихъ въ разрядъ небожественныхъ, низшихъ служебныхъ существъ.

Дѣйствительно, въ такомъ возвышеніи, послѣдовательно проведенномъ, заключалось бы уже разрушеніе самого политеизма. Какъ скоро въ политеизмѣ привимается одинъ высочайшій богъ, то онъ есть или дѣйствительно высочайшій и безусловный, а другіе имъ условливаются, слѣдовательно, не суть уже и боги; или при этомъ допускается относительная самостоятельность и другихъ низшихъ боговъ и высочайшему принадлежитъ только предпочтеніе между многими, не смотря на частное неравенство равными, однако же, по природѣ богами; но въ такомъ случаѣ нѣтъ уже никакого истинно безусловнаго и высочайшаго существа. Верховный богъ, хотя имѣетъ болѣе силы и значенія, чѣмъ прочіе боги, тѣмъ не менѣе, не имѣетъ всего того, что имѣетъ каждый изъ нихъ; слѣдовательно, онъ ограничивается ими. Онъ, хотя

*) *Παλαιός λόγος*. Плат. *Leg.* IV, 715.

и имѣть власть надъ ними, но власть не безусловную; онъ также, какъ и они, ограниченъ и по своему происхожденію и по своему владычеству. Его отношеніе къ прочимъ богамъ — не отношеніе божества къ сотворенному имъ, по отношеніе царя къ своимъ, хотя низшимъ по достоинству, но равнымъ по природѣ, подданнымъ.

Вотъ почему религіозное сознаніе политеизма не могло найти рѣшительнаго выхода изъ своихъ противорѣчій въ своей же собственной сферѣ, чрезъ окончательное напр. возвышеніе Зевса надъ прочими богами съ уничтоженіемъ ихъ самостоятельности. Оно въ такомъ случаѣ должно бы положить руку само на себя, но это дѣло могло совершиться не въ области самого же политеизма, но внѣ ея, въ сферѣ мышленія.

То, что сказано нами по отношенію къ Греческому политеизму, вполне можетъ быть примѣнено и ко всему язычеству вообще. Нигдѣ и никогда монотеизмъ не могъ возникнуть путемъ возвышенія одного міеологическаго бога надъ другими. Въ ученomъ мірѣ не было недостатка въ попыткахъ объяснить такимъ „естественнымъ“ путемъ происхожденіе единобожія. Такъ, по мнѣнію Юма, историческаго начала монотеизма въ средѣ человѣчества мы должны искать не въ какихъ-либо раціональныхъ размышленіяхъ, но въ болѣе простыхъ и менѣе разумныхъ побужденіяхъ и стремленіяхъ. Среди множества ограниченныхъ боговъ у какого либо народа, тотъ или другой изъ нихъ могъ стать предметомъ особеннаго почтенія. Это могло произойти или такъ, что извѣстное племя стало воображать, будто при распредѣленіи міра между частными богами оно досталось въ особенный удѣлъ какому либо одному богу, который и сталъ такимъ образомъ *однимъ* племеннымъ или народнымъ богомъ; или такъ, что по примѣру человѣческихъ обществъ стали думать, будто и міръ боговъ управляется однимъ главою или монархомъ, котораго другіе боги суть какъ бы вассалы и слуги. Въ томъ и другомъ случаѣ, почитался ли верховный богъ покровителемъ одного народа или владыкою міра боговъ, его чтители тѣмъ старались снискать его благорасположеніе, что другъ передъ другомъ соперничали въ присвоеніи ему самыхъ льстивыхъ похвалъ и самыхъ возвышенныхъ предѣ-

катовъ. Гдѣ въ генеалогіи боговъ имѣло мѣсто престоло-
наслѣдіе, напр. въ династіяхъ Сатурна, Кроноса, Зевса,
тамъ титулы величества съ каждымъ наслѣдникомъ расширя-
лись и раздувались до большихъ и большихъ размѣровъ, пока
не достигли наконецъ до послѣдняго предиката,— безконеч-
ности. Такимъ образомъ, заключаетъ Юмъ, „при помощи по-
хвальныхъ одъ и куреній, по мѣрѣ лести и благочестивыхъ
гиперболей, верховный богъ дѣлается существомъ безконеч-
нымъ, существомъ по превосходству, творцемъ и правителемъ
вселенной“. Это понятіе въ послѣдствіи, конечно, можетъ
совпадать съ результатами истинной философіи и разумнаго
мышленія, но тѣмъ не менѣе, не разумное мышленіе въ на-
чалѣ привело человѣчество къ этому понятію, но лести и
страхъ самаго обыденнаго суевѣрія *).

Вся эта теорія образованія монотеизма, очевидно, основана
на томъ ложномъ и недостойномъ воззрѣніи на религію, ко-
торое видитъ въ ней чисто человѣческое, обязанное притомъ
своимъ происхожденіемъ самымъ низшимъ мотивамъ нашей
природы, произведеніе. Только при такомъ воззрѣніи мо-
жетъ возникнуть мысль, будто видоизмѣненія въ религіи, и
притомъ, такія существенныя, какъ напр. переходъ поли-
теизма въ монотеизмъ, могутъ происходить отъ такихъ виѣш-
нихъ и случайныхъ мотивовъ, каковы напр. аналогія съ
монархическимъ правленіемъ, установившимся въ извѣстномъ
народѣ, лести, страхъ и т. п. Конечно, въ религіи, какъ и
во всѣхъ прочихъ обнаруженіяхъ человѣческаго духа, къ
вышимъ идеальнымъ мотивамъ и стремленіямъ могутъ при-
мѣшиваться и низшіе мотивы и недостойныя побужденія,
вслѣдствіе ограниченности человѣческой природы. Отсюда
возможно, что какъ при образованіи религіозныхъ представ-
леній, такъ и въ богопочтеніи (культѣ) могутъ находить
себѣ мѣсто и играть нѣкоторую роль низшія, эгоистическія
побужденія, даже страсти, напр. лести, страхъ, даже грубая
чувственность и пр. Но это элементъ случайный, объясняю-
щій лишь искаженія и уклоненія отъ нормы религіознаго
чувства, но не самую сущность религіи и существенные мо-
менты въ ея развитіи, тѣмъ болѣе такой моментъ, который

*) Natur. hist. of religion. См. Pfeleiderer: Die Religion et cet. II B. p. 17—21.

представляет несомненное повышение, а не понижение уровня религиозного сознания, какъ напр. переходъ его отъ политеизма къ монотеизму.

Такимъ образомъ, объясненіе Юма происхожденія монотеистической идеи есть ложный результатъ ложной теоріи религіи и падаетъ вмѣстѣ съ нею. Какъ такого рода результаты, онѣ, конечно, не можетъ быть оправданъ и исторіею; и дѣйствительно, авторъ естественной исторіи религіи, не смотря на свое желаніе дать своей теоріи историческую основу, не могъ привести въ свою пользу никакихъ историческихъ данныхъ, кромѣ единичныхъ и ничего неговорящихъ фактовъ вліянія въ дѣлѣ религіи низшихъ и естественныхъ мотивовъ, чего, конечно, отвергать нельзя. За результатъ исторіи онъ выдаетъ свою, чисто теоретическую, гипотезу, и нигдѣ не представляетъ дѣйствительно процесса возникновенія монотеизма путемъ естественнаго возвышенія одного бога надъ другими. Мы увидимъ, что монотеизмъ (по естественному пути) вырабатывался совершенно инымъ путемъ, — путемъ борьбы философской мысли противъ народнаго политеизма. Политеизму никогда не удалось возвысить напр. Зевса на столько, чтобы онъ явился дѣйствительно единымъ богомъ.

Чтобы и при существованіи политеизма сколько-нибудь уничтожить его противорѣчіе и удовлетворить стремленію ума къ единству высочайшаго начала, религиозное сознание должно было поискать другого пути, чѣмъ простое возвышеніе одного бога надъ другими. Оно должно было искать истинно божественнаго и абсолютнаго не въ сферѣ своихъ боговъ, но выше ихъ и надъ ними, при чемъ бы оставались и они въ своей конкретной опредѣленности. Это, высшее боговъ, единство, это абсолютное начало, объединяющее множественность боговъ и множественность міровыхъ явленій, религиозное сознание представляло себѣ какъ верховный, абсолютный, властвующій надъ всѣмъ существующимъ таинственный законъ бытія, — то, что Греки называли *Рокомъ* или *Судьбою* (*Μοῖρα*, *Ἐμπαριένη*). Понятіе о судьбѣ, властвующей надъ богами и людьми, страшной для тѣхъ и другихъ, съ особенною ясностію выступаетъ у Греческихъ поэтовъ, преимущественно трагиковъ.

Но эта попытка согласить необходимость признанія истинно

абсолютнаго съ существующимъ политеизмомъ не могла имѣть успѣха; напротивъ, идея рока, если бы проведена была послѣдовательно, имѣла бы слѣдствіемъ окончательное разрушеніе политеизма. Съ подчиненіемъ подъ власть судьбы, боги много потеряли въ своемъ достоинствѣ. Если судьба властвуетъ одинаково надъ богами и людьми, то строго говоря, было бы напраснымъ трудомъ искать помощи у такихъ ограниченныхъ и связанныхъ судьбою боговъ. Поэтому почитаніе боговъ, при признаніи господствующей надъ всѣмъ судьбы, въ сущности должно считать непослѣдовательностію и запутанностію религіознаго сознанія, постоянно встрѣчающагося во всѣхъ почти политеистическихъ религіяхъ. Но такая непослѣдовательность имѣетъ свои уважительныя причины.

Дѣйствительно, если понятіе судьбы разрушительно дѣйствовало на политеизмъ, то и само оно не могло удержаться безъ него въ религіозномъ сознаніи и удовлетворить его. Оно есть произведеніе теоретическаго разума; по какъ такое, оно можетъ дать только одностороннее удовлетвореніе уму, но не религіозному чувству. Для разсудка еще могла быть достаточною абстрактная необходимость (судьба) для завершенія ряда его представленій и для окончательнаго объясненія причинъ явленій. Но такая необходимость не есть божество, котораго ищетъ религія. Теоретически человѣкъ можетъ еще успокоиться на мысли, что все зависитъ отъ власти судьбы, но это не есть нравственная зависимость отъ высчайшаго начала бытія, требуемая религіею. Если бы религіозное сознаніе остановилось на этой мысли, то въ религіозномъ отношеніи оно было бы еще бѣднѣе, еще нерелигіознѣе, такъ сказать, чѣмъ на ступени политеизма. По отношенію къ судьбѣ невозможно никакое благочестіе, никакая религіозность. Напротивъ, сопротивленіе и борьба противъ силы рока есть дѣло столько же благородное и величественное, сколько и преступное: такою и представляется эта борьба у Греческихъ трагиковъ. Но высшая сила, въ отношеніи къ которой была бы возможна религія, должна допускать нравственное отношеніе между собою и тѣмъ, кто отъ нея зависитъ. Въ сущности, судьба образуетъ самое рѣзкое противорѣчіе божественному, поелику ни сама она не есть что-либо божественное, ни надъ собою не терпитъ самобытности чего-

либо божественнаго; она есть рѣшительное отрицаніе послѣд-
няго. Если при такомъ образѣ воззрѣнія на абсолютное еще
удерживается живое религіозное чувство, то это отъ того,
что оно твердо привязано къ своимъ древнимъ богамъ и
сохраняетъ, такимъ образомъ, цѣною непослѣдовательности
разсудка религіозное сознаніе.

Установить религіозное отношеніе ума и воли къ требуе-
мому мыслию единству абсолютнаго начала бытія можно не
иначе, какъ придавъ этому отвлеченному единству живыя
черты. Нужно, чтобы оно было живымъ, дѣятельнымъ един-
ствомъ, которое могло бы вступить въ отношеніе съ чело-
вѣкомъ и съ которымъ и человѣкъ въ свою очередь могъ бы
находиться въ религіозномъ отношеніи. Первоначальное
единство должно быть мыслимо, слѣдовательно, какъ нѣчто
живое и дѣятельное, какъ *существо* или Богъ, а не какъ
всевластный надъ всѣмъ существующимъ слѣпой законъ бытія.
Только съ такимъ существомъ мыслимо живое отношеніе
человѣка; съ абсолютнымъ закономъ, съ судьбою мы не
можемъ представить такого рода отношенія, существенно
требуемаго религіею.

Такимъ образомъ, и въ возвышеніи Зевса надъ другими
богами и въ попыткѣ возвысить надъ самимъ Зевсомъ и
однородными по существу съ нимъ богами высшій міропра-
вящій законъ, несомнѣнно высказалось естественное на
послѣдней стадіи язычества темное сознаніе имъ своей несо-
стоятельности и необходимости искать выхода изъ противорѣ-
чій политеизма въ признаніи единаго абсолютнаго начала
бытія. Но это сознаніе не могло имѣть никакого результата,
пока не выходило изъ области политеизма и искало удовле-
творенія путемъ невозможнаго компромисса противорѣчащихъ
понятій единства и множественности божественнаго начала.

Первымъ шагомъ впередъ на этомъ пути, очевидно, должно
быть разрѣшеніе стремящейся къ единству мысли отъ узъ,
которыми спутывало и задерживало ее политеистическое
міросозерцаніе. Нужно было отрицательное отношеніе къ
политеизму и освобожденіе мысли отъ религіознаго воззрѣнія.
Такую задачу приняла на себя и послѣдовательно разрѣшила
Греческая философія.

Независимый, болѣе или менѣе враждебный, иногда явно

полемиическій характеръ Греческой философіи по отношенію къ народной религіи опредѣляется почти на первыхъ порахъ ея исторіи. Въ этомъ въ сущности были согласны двѣ главныя, по направленію противоположныя, школы архаической философіи: Іонійская и Элейская (къ которой примыкаетъ и Пифагорейская). Древнѣйшая изъ нихъ Іонійская, носившая сенсуалистическій характеръ, не смотря на внутреннее противорѣчіе такого направленія духу религіи, сначала оказывалась, повидимому, не столь враждебною ей, какъ Элейская. Она ограничивалась тѣмъ, что, не вступая въ полемику съ народными вѣрованіями, только подкладывала подъ мифологическія представленія свои идеи. Въ стихійныхъ началахъ природы она думала находить боговъ народной вѣры: Зевса, Геру и др. Но за то въ послѣдствіи несовмѣстимость сенсуалистическаго принципа съ религіозными вѣрованіями высказалась тѣмъ рѣшительнѣе. Философія атомистовъ Левкиппа и Демокрита совершенно исключала божество при объясненіи происхожденія міра. И если Демокритъ, опасаясь сдѣлать рѣшительный шагъ въ разрывѣ съ религіею, говоритъ еще о богахъ, какъ о какихъ-то высшихъ челоѣка, но подобно ему сложенныхъ изъ атомовъ и носящихся въ промежуткахъ между мірами, существахъ, то его послѣдователи, не стѣсняясь, отвергли эти ненужныя существа. Изъ школы Демокрита явились первые извѣстные намъ атеисты.

Съ большею ясностію и сознательностію мысли выступила противъ политеизма другая архаическая школа, — Элеатовъ. Элеаты, склонявшіеся къ идеализму, отвергавшіе истину бытія множественнаго и признававшіе истинно и абсолютно сущимъ бытіе простое, единое и себѣ равное, по этому самому не могли примириться съ религіознымъ представленіемъ о множествахъ боговъ. Ни у кого, можетъ-быть, изъ греческихъ философовъ не высказываются такъ ясно поводы недовольства политеизмомъ, какъ у Элеата Ксенофана, названнаго „поносителемъ Гомера“, отца Греческой мифологіи.

Гомеръ и Гезіодъ (говоритъ онъ въ своей философской поэмѣ) богамъ
такія дѣла усвояють,
„Какія и людямъ виѣняются въ стыдъ и въ безчестье,—
„Прелюбодѣянье, хищенье, обманы“.